

УПРАВЛЕНИЕ МУЗЕЯМИ-УСАДЬБАМИ И МУЗЕЯМИ-МОНАСТЫРЯМИ
ГЛАВНАУКИ НКП

БЮДЖЕТ ШЕРЕМЕТЕВЫХ

(1798—1910)

ОЧЕРК
ВЛАДИМИРА СТАВЮКОВИЧА

МОСКВА
1927

Печатается по постановлению Ученого
Совета Управления музеями-усадьбами
и музеями-монастырями.

И. д. Ученого Секретаря *К. Сивков*.
Март 1927.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Среди русской поместной знати Шереметевым принадлежало одно из первенствующих мест. Однако их значение не зависело от личных достоинств отдельных представителей рода. За последние два столетия, если не считать основоположателя их богатств—фельдмаршала Б. П. Шереметева, или создателя знаменитого Останкина—Николая Петровича Шереметева, мы не можем указать среди них ни одной сколько-нибудь выдающейся фигуры. Но, с другой стороны, именно этот средний уровень делает семью Шереметевых чрезвычайно типичной представительницей того сословия, которое, даже в случаях, когда оно не принимало непосредственного участия в управлении страной, все же, благодаря богатству, дававшему власть над сотнями тысяч людей, так или иначе влияло на нашу историческую действительность. У нас сохранились яркие вещественные памятники этой, сравнительно недавней действительности: как раз шереметевские подмосковные, Кусково и Останкино,—ныне музеи—развертывают перед нами широкую картину прежнего жизненного размаха и художественной значимости быстрого его оформления. Но знакомство с ними не может быть полным и поучительным, роль их владельцев в экономическом и культурном развитии страны не может стать нам вполне очевидной, пока мы не уяснили себе: с одной стороны—ту основу, благодаря которой стало возможным осуществление этих грандиозных художественных затей, а с другой — принятые их создателями методы управления их огромными владениями. Поэтому рассмотрение истории богатства Шереметевых приобретает особое значение.

Март 1927 г.

Основным ядром для образования земельных богатств Шереметевых послужили вотчины, унаследованные фельдмаршалом Борисом Петровичем Шереметевым¹⁾ от отца и разновремененно «пожалованные» ему за службу Петром I (к последним принадлежали Юхотская волость и Вошажниково в Ярославской губ. и Борисовка—в Курской).

Документы, дошедшие до нас от времени Бориса Петровича, рисуют его строгим и требовательным хозяином.

Проводя жизнь в непрерывных походах, он не забывал своих вотчинных интересов, в обстановке войны, пытаясь руководить хозяйственной жизнью своих имений при посредстве указов, скрепленных подписью «Рука моя» и гербовой печатью. Но походная жизнь, конечно, не давала ему возможности проверять, как исполнялись на местах эти приказания, и сохранившиеся отрывки дел указывают, что облеченные его доверием приказчики не только не исполняли слепо его волю, но даже расхищали присылаемые им из походов вещи.

По сохранившимся материалам нет возможности восстановить доходы и расходы этого фельдмаршала-вотчинника. Но в ряду поколений Шереметевых мы должны считать его приобретателем, а не хозяином.

После смерти фельдмаршала вотчины управлялись его вдовой, урожденной Салтыковой, и сохранившиеся отрывки дел этого времени показывают, что она, пользуясь руководством своей родни, рачительно вела хозяйство, сберегая для малолетнего сына накопленные богатства.

Из дошедших до нас указов по вотчинам явствует, что Юхотская волость, Вошажниково и Борисовка, т.-е. наиболее крупные имения, «пожалованные» Петром I Борису Петровичу, в 1727 г. были на оброке, т.-е. крестьяне выплачивали своему помещику определенную сумму с «тягла», а не должны были работать в господском поле, как то было в имениях, где была заведена «барщина».

Сын фельдмаршала—Петр Борисович²⁾ путем брака в 1743 г. с одной из богатейших невест того времени—

¹⁾ Б. П. Шереметев (1652—1719)—известный полководец Петра I. В конце XVII в. совершил путешествие за границу. (Описание путешествия издано было в 1773 году).

²⁾ П. Б. Шереметев (1713—1788) не играл заметной роли ни в военной, ни в гражданской службе. Под конец жизни был московским губернским предводителем дворянства.

кн. В. А. Черкасской³⁾, слил воедино земельные богатства Шереметевых и Черкасских. Огромная площадь земли с крепостным населением свыше 100.000 душ сделала его богатейшим вельможей своего времени.

Оставшись после отца шестилетним ребенком, он был воспитан матерью в глубоком уважении к памяти родителя, который представлялся ему героем. Позже он прославил отца изданием его переписки с Петром I и героическими портретами, исполненными кистью его крепостного художника И. Аргунова⁴⁾.

В качестве крупного вельможи, он считал себя первым слугою быстро сменяющихся монархов, но был настолько осторожен, что не искал великих почестей при дворе и не ввязывался в интриги. Его спокойная фигура остается неизменной в эти годы быстрых взлетов и падений бесчисленного рода искателей счастья и славы. Хитро оказывая всем сильным должное внимание, Петр Борисович прожил эти годы безмятежно, не теряя случая округлить или путем покупки увеличить свое имение.

Сущность хозяйственно-экономических мероприятий Петра Борисовича сводилась к тому, что за время своего хозяйствования он совершенно отказался от барщины и перевел почти все свои вотчины на оброк. К концу его жизни лишь вотчина Серебряные Пруды⁵⁾ оставалась на барщине, а иногда (другие), неаккуратные в уплате оброка, вотчины переводились на барщину с подчинением главной конторе, при чем по взыскании недоимок они возвращались на оброк.

Введение оброчной системы вполне соответствовало и особенностям владений Петра Борисовича и его собственному характеру.

Как мы уже говорили, в некоторых имениях (Юхоть, Борисовка) — оброк был исконною формой зависимости крестьян от помещика. В некоторых южных богатых вотчинах — например, в воронежской «Алексеевке», недавно образовавшейся из новоселов — черкасов, введение барщины вызвало бы резкое сопротивление населения и повлекло бы за собою обеднение вотчины. Наконец, сама система барщинного управления требовала большого и сложного аппарата и непрерывной работы самого барина.

³⁾ В. А. Черкасская (1711—1767), дочь канцлера кн. А. М. Черкасского (1680—1742).

⁴⁾ И. Аргунов (1727—1802) — крепостной художник Шереметевых, один из самых выдающихся представителей талантливой семьи Аргуновых. Его картины находятся в Кускове, в Останкине, в Третьяковской Галерее в Москве и в Русском Музее в Ленинграде.

⁵⁾ Имение в Тульской губ.

Понимая, что введение повсеместной барщины, увеличив доходность имений, повлечет за собою всяческие «противности, беспорядки и плутовство» и заставит его самого непрерывно работать, Петр Борисович остановился на оброчной системе, как более гибкой, простой и не требующей от него большого труда.

В то же время, полный сознания своих прав господина, основанных на благородстве происхождения, Петр Борисович был верным слугою православия и самодержавия. В его повелениях и указах неоднократно встречаются рассуждения, свидетельствующие о том, что он смотрел на свои рабовладельческие права, как на естественный закон, установленный богом. Отсюда тесная связь барина с духовенством вотчин, зависящим от него ⁶⁾ и получающим от вотчинных правлений натурой все продукты, до водки включительно. Отсюда же обязательность крупных пожертвований на церковное строительство и духовенство, которым отличались Шереметевы.

При таком взгляде на крепостное право, помещик являлся «божьим помазанником» на рабовладение, подобным своему монарху—«божьему помазаннику на царство».

Типичными примерами таких царствующих вотчинников и были Петр Борисович и его сын Николай Петрович. Освободив себя от кропотливого и неблагодарного труда по наблюдению за мелочными распоряжками, неминуемыми при барщинной системе, они царствовали, посвящая все же много времени вотчинным делам, воспитывая в подданных «дух смиренномудрия и терпения», следя за правильностью и своевременностью выплаты оброка и за тем, чтобы их собственный аппарат не притеснял и не обременял подданных поборами. Этим ограничивалось их воздействие.

Освобожденные от барщины и связанных с нею мелочной опеки и точной регламентации жизни и труда, вотчины Шереметевых могли проявить самостоятельность, наглядным примером чего могут служить Иваново-Вознесенск и село Павлово, принадлежавшие им ⁷⁾.

⁶⁾ Еще при жизни его матери был установлен порядок объявления вотчине графских указов. При посылке одного указа приказывается: «чтобы всех сел вместо крестьян, кто при котором приходе обретается, священники приложили руки, дабы впредь никто неведением не отговаривался».

⁷⁾ Иваново-Вознесенск—теперь губернский город. Возник из с. Иванова и Вознесенского посада. С. Иваново уже в XVIII веке славилось своим ткацким производством. Из здешних шереметевских крепостных вышло много фабрикантов.—С. Павлово, Нижегород. губ., издавна славилось своими кустарными металлическими изделиями. До 1743 г. оно принадлежало кн. Черкасским, а в этом году перешло к Шереметевым.

При оброчной системе царствующий помещик, утрачивая ближайший надзор за хозяйственно-экономической жизнью вотчины, способствовал развитию в своих подданных инициативы, что вело к усиленному расслоению населения в деревнях, выдвигению наиболее сильных и эксплуатации ими бедняков. Яркие картины засилья богатых дают архивные данные по всем вотчинам. Они стояли всюду у власти, в их руках были доверенные графа-помещика, они на местах составляли такую силу, что власть этих мироедов чувствовалась бедняками ощутительнее, чем власть помещика.

Этот фактор тормозил развитие экономической жизни вотчины, но был выгоднее помещику, так как пребывание кулаков во главе вотчинного правления гарантировало помещику исправное и своевременное получение оброка.

Мы не располагаем достаточными данными, чтобы восстановить бюджет Петра Борисовича. Не сохранилось ни одной сводки отчетов вотчин. Средства его были огромны. Ко времени Екатерины II он окружил себя сказочной обстановкой, создал Фонтанный дом в Петербурге, построил «увеселительный дом»—Кусково и, по свидетельству современника, жил среди такой обстановки и обилия, что в любой день без предупреждения мог принять Екатерину с ее многочисленною свитою.

В некоторых случаях (напр., при постройке Кускова) он отступал от оброчной системы и требовал присылки к себе плотников и землекопов из ближайших вотчин и облагал дальние вотчины дополнительными денежными взысканиями на содержание работников,—но это были исключения.

Денежной наличности часто не хватало на его затеи (что объясняется их чрезмерностью). Тогда он прибегал к займам у купцов или у своих же богатых крестьян, торгующих в городе. Судя по переписке, вексельные обязательства часто не оправдывались в срок, и векселя переписывались из года в год.

После подавления Пугачевского восстания, в Москве распространился слух, что у Пугачева отобраны большие суммы, которые правительство намерено отдать в рост. Петр Борисович проверял этот слух через своего петербургского управляющего, рассчитывая сделать заем из этих «награбленных» денег.

Последние годы жизни Петра Борисовича прошли в Кусковском «Доме уединения». Он был уже стар. Шум пиров его утомлял, строительные затеи свелись к маленькому масштабу. Несмотря на траты взрослого сына, расходы

уменьшились, так как Николай Петрович ⁸⁾, в силу еще не изжитой старинной традиции сыновьего повиновения, жил скромно. Даже на театр, которым он увлекался в это время, он тратил небольшие суммы и только после смерти отца развернулся, тратя огромные средства на жизнь, новые строительные затеи и театр.

Вступив после смерти отца во владение своими немалыми богатствами, Николай Петрович шел по стопам родителя. В течение своего управления, вернее—царствования, он издал ряд повелений, упорядочивающих сложное управление вотчинами и касающихся внутреннего распорядка в них, но коренной ломки в системе извлечения доходов не произвел.

В архиве нет сводок его доходов за первые годы по управлению. Первым по времени является «Отчет о денежных суммах за 1798 год». Судя по тому, что дальнейшие отчеты имеются,—нужно думать, что только к этому году счетоводство главной конторы было упорядочено, и что графу потребовалось ясно дать себе отчет в своем бюджете. Причина тому может быть точно указана: по отчету за 1798 г. платежи по долговым обязательствам достигли 200.854 р. при доходе в 632.204 р. К этому времени дорого стоящая постройка Останкинского дворца-театра ⁹⁾ была закончена, но нужно думать, что не все обязательства по ней вошли в перечень долгов. Год закончился с перерасходом в 60.000 р., покрытым новыми займами.

Приступая к рассмотрению бюджетов вотчинника (см. таблицу и диаграммы в конце книжки), живущего на оброк, собираемый со своих крестьян, необходимо сделать несколько замечаний.

Анализируя приходы и расходы владельца, мы по этим данным с трудом можем судить о том, как жили его крепостные. При оброчной системе плательщик выплачивал государственные, оброчно-помещичьи и вотчинные сборы. Помещик не нес расходов по вотчине, если не заводил в ней своего хозяйства и построек, что было неизбежно при барщинной системе. Таким образом вотчинник получал чистый доход, за исключением расходов по управлению, которые за долгий период времени не превышали 11%. Часть этого расхода падала на главные конторы, и таким образом обратный ток средств от барина в деревню был незначителен. В очень редких случаях мы замечаем

⁸⁾ Н. П. Шереметев (1751—1809), как и отец, мало служил, имел чин действ. тайного советника и обер-камергера.

⁹⁾ Театр строился в 1792—97 г.г.

«пожертвования» деревням, пострадавшим от пожаров, но и эта помощь оказывалась путем льгот по оброку

Были еще случаи возвращения на места полученных барином средств, носящие характер добровольных жертвований, но в сущности обязательные,—это «пожертвования» на церковное строительство и духовенству, являющиеся проводником крепостнической идеологии под прикрытием религиозных догматов.

Таково было в общих чертах оброчное хозяйство. Барщина требовала от помещика большего внимания и затрат, но зато и была выгоднее помещику южной половины Европейской России, где она и получила значительное развитие.

Но если Шереметевы при оброке не тратили денег на поддержку крестьянина-земледедца, они расходовали большие суммы на содержание крепостной дворни.

Фигура крепостного барина немыслима без окружения дворни. Тогдашнее барство требовало такого количества слуг, при котором малейшие желания и потребности артистически удовлетворялись специалистами своего дела. Если мелкопоместные дворяне в ущерб своим интересам окружали себя таким количеством дворни, что даже правительство вынуждено было принять меры к их сокращению, то трудно себе представить, до какой виртуозности дошли крупные помещики в выдумке должностей для своих бесчисленных дворовых. Чванясь друг перед другом, они окружали себя многочисленной, одетой в роскошные ливреи свитой рабов.

Кусково, а затем Фонтанный дом (в Петербурге) при Николае Петровиче насчитывали до 340 человек слуг, общее же число дворовых Шереметевых по всем вотчинам доходило до 1000 человек, получавших все готовое, до ливреи включительно, и жалование, в зависимости от ступени, занимаемой на лестнице крепостной иерархии. Рядом с крепостными работали вольнонаемные иностранцы и русские на должностях, считающихся недостижимыми для крепостных. При дворе Шереметевых таковыми были учителя, садовники, парикмахеры, жокеи и часть музыкантов.

Эта огромная свита, содержащая ради этикета (ибо есть указания, что Николай Петрович тяготился ею и из-за толчеи в главном доме жил во флигеле), сильно отягощала бюджет. В расходных статьях бюджета мы находим соответствующую статью: «Содержание вольнонаемных и крепостных дворовых людей». В 1798 г. по этой статье было израсходовано 92.139 р., т.-е. 13,3% всего расхода. Сумма эта выражает расход на работающую часть дворни. Помимо этого, значительный расход вызывало содержание

пенсионеров из двора. Расходы эти входили в статью «Награды и милости», которая в свою очередь делилась надвое: а) посторонним и б) своим.

Рассмотрим теперь бюджет 1798 года в целом. Это типичный личный бюджет барина, имеющего огромные потребности в силу положения в обществе и навыков к роскоши. Производительных затрат в бюджете мы не находим, забот об усилении питающей барина базы — незаметно. В результате ни с чем не сообразованных трат является годовой дефицит, предвещающий обремененность доходных поступлений будущего года.

Однако, такое богатство и крупный оборот денежных средств не могут по своей природе не отлагать накоплений.

Как бы нелепы в целом ни были траты широко живущего богача, окружающего себя сказочной роскошью, воздвигаемые им роскошные палаты, приобретаемые художественные произведения и бриллианты сами образуют новый материальный фонд. С течением времени цена их повышается, и они образуют значительный капитал. Так, бриллианты, купавшиеся для украшения своих «персон» Петром Борисовичем и Николаем Петровичем, дважды сыграли, как мы увидим, роль в истории Шереметевского богатства.

Особенно крупные накопления получались на недвижимых имуществах в городах. Купленные когда-то за бесценок площади и строения в столицах с развитием городов образовывали большой капитал. Николай Петрович не учитывал этого и освободился от некоторых из них, но сохранившийся в Москве «Китайский дом» на Никольской был золотым дном для последнего поколения Шереметевых до самой Революции.

Статьи прихода за 1798 г. говорят нам, что все благосостояние барина было основано на оброке и неокладных сборах, т.-е. поступлениях, связанных с земельными угодьями и доходными статьями имений (мельницы, фабрики, торговые площади, ярмарки и пр.). Те же приходные статьи свидетельствуют, что наличного капитала не имелось, так как среди них нет статьи « $\frac{0}{10}\frac{0}{10}$ с капитала». Общий приход был равен 632,2 тыс. руб.

Личные расходы Н. П. Шереметева составляли $34,6\frac{0}{10}$ всего расхода; содержание свиты дворовых — $13,3\frac{0}{10}$ (92,1 тыс. рублей); расходы по дому — $11\frac{0}{10}$ (76,7 тыс. руб.); благотворительность — $8,9\frac{0}{10}$ (61,2 тыс. руб.); но главную статью расходов являлась «уплата долгов», составлявшая $29\frac{0}{10}$ расхода и равнявшаяся 200,9 тыс. руб., при чем необходимо отметить, что долговые обязательства на этот год не были

оправданы полностью, и часть векселей была пролонгирована, т.-е. переписана на сроки будущего года, при чем при переписке уплачено процентов 40,6 тыс. руб.

В 1798 г. Николаю Петровичу было 47 лет. К этому времени его широкие строительные затеи в Останкине и увлечение театром схлынули. Темп расходов значительно сократился, хотя придворное звание все же требовало роскошной жизни и расходов. Из отчетов видно, что по гофмаршальской части ему приходилось даже расходовать свои собственные средства (8,8 тыс. руб.), которые потом частью возвращались в его кассу. Главной тяжестью бюджета для барина была задолженность, накопившаяся за прежние годы, когда жизнь велась не по средствам. Так как обычный процент, платимый Николаем Петровичем по долговым обязательствам, равнялся 10, то задолженность его следует определить суммой около двух миллионов рублей.

Против суммы прихода за этот год—632,2 тыс. руб., стоит сумма расхода 692,9 тыс. руб.

Таким образом год закончился перерасходом (т.-е. новыми долгами) в 60,7 тыс. руб.

Насколько беспечно, до этого первого отчета, велось общее счетоводство, свидетельствует следующая запись в статье «Платежей по счетам»:

«Заплачено по щетам, поданным от разных купцов, о которых в книге Воловой не изъяснено, за что имянно, а равно и по щетам тех купцов за великим раздрослением платежей дойти было не можно—13,157 р. 77^{1/2} к.»

В дальнейшие годы жизни Николая Петровича его расходы сократились. Новые строительные затеи («Шампетр» и дачи в Павловске и Гатчине) имели скромный масштаб и не побуждали к новым займам, и в год его смерти (1809) его задолженность равнялась, приблизительно, его годовому доходу.

После смерти Николая Петровича остался малолетний сын Дмитрий¹⁰⁾, над имуществом которого «по высочайшему повелению» была учреждена опека, во главе которой стояли крупные правительственные чиновники.

Рассматривая типичный для этого времени бюджет 1814 года, мы усматриваем, что за пятилетнее хозяйничанье опека сумела увеличить приходные статьи бюджета и рассчитаться с долгами. Это будет понятно, если мы узнаем, что опека начала свою деятельность с того, что, подсчитав оставшееся от Николая Петровича движимое имущество,

¹⁰⁾ Д. Н. Шереметев (1803—1871) недолго пробыв в военной службе, а потом числился в императорской свите.

распродала его с аукциона. В качестве вещей, могущих испортиться до достижения наследником совершеннолетия, была продана часть фамильных бриллиантов (20-го дек. 1809 года ювелиру Лумбергу было продано бриллиантовых вещей на 382 т. руб.). Не стесняясь какими-либо соображениями нравственного порядка, опека развела операции торговли рекрутами (за 1814 г.—60,4 тыс. руб.) и ввела систему штрафов (27,2 т. р.).

В силу того, что расходы по содержанию графа были малы, сравнительно с бюджетом (содержание 11-летнего мальчика обошлось в 69,7 тыс. рублей), в руках опеки оставались значительные средства, которые позволяли рассчитаться с долгами (в этом году уплачено 149,9 т. руб.) и образовать капитал, доходы с коего в 1814 г. составляли 108 тыс. руб. В то же время опека широко практиковала кредитные операции, отдавая излишние деньги в рост под верные обеспечения,—в этом году было отдано таким образом 287,5 т. руб. Опека усиленно поддерживала дома, на содержание коих израсходовано за год 263,7 тыс. руб., и содержала огромную дворню, расходы на которую составили 181,9 тыс. руб.

Наличие свободных средств у Шереметевых было использовано и правительством, нуждавшимся в этом году в средствах для войны с Наполеоном. Помимо пошлин с имущества в размере 96,4 тыс. руб., опека пожертвовала в этом году на военные надобности 141,5 тыс. рублей. Этот факт крайне характерен для самодержавного режима. Опека, назначенная правительством и возглавляемая крупными правительственными чиновниками, отчуждает для государственных целей около 17% дохода опекаемого. Нужно думать, что такая «дружеская услуга» чиновников-опекунов была вознаграждена правительством орденами или чинами своим послушным чиновникам. Опекуны за свой труд получали большие оклады: так, в этом году ими получено 73,7 тыс. руб., то-есть 5,3% всего расхода.

Несмотря на столь высокое вознаграждение опекунов, их благотворительность и бесцельные траты на огромные штаты дворовых, бюджет рисует картину полного благополучия. Доходы 1814 года—1.642,6 т. р., израсходовано же 1.374,7 тыс. руб.,—т.-е. за всеми расходами и раздачей в долг 287,5 т. р.—за год накоплено еще 267,9 тыс. руб.

Оценивая это положение, мы должны признать, что опека выполняла свое назначение, но главной причиной столь быстрого накопления все же следует признать не труды опеки, а другой, более сильный фактор—это отсутствие самого графа, вследствие его малолетства.

Единственный наследник—Дмитрий Николаевич получил ко дню своего совершеннолетия чистое от долгов огромное имущество и скопленный ему опекою капитал — около 3.500.000 рублей.

Его прадед-фельдмаршал был собирателем имения, дед Петр Борисович — разумным хозяином; отец хотя и пошатнул было свое благосостояние, но к концу жизни путем экономии последних лет загладил бреши, нанесенные своему состоянию. Но зато Дмитрий Николаевич, проживший долгую жизнь, был несомненно, по оставшимся данным, добросовестным расточителем своего имения. Правда, ему не удалось расточить своих несметных богатств до конца, но он делал для этого все от него зависящее. Дела стояли, и его переписка с главноуправляющим Апрельевым, опубликованная его сыном, свидетельствует, что Д. Н. по неделям не мог выбрать времени для делового разговора с ним.

Это было бы понятно, если бы Дмитрий Николаевич был занят чем-нибудь, но никакого дела, никакой службы (кроме кавалергардской, а потом свитской) он не имел, сидел до вечера дома в халате, ходил по церквям и не мог заняться делом от привычки к безделью, от лени, от органического отвращения к труду, от какой-то присущей ему обломовщины.

Со дня его совершеннолетия начинаются безрассудные траты, продолжающиеся всю жизнь. Бюджет 1822 года, т.-е. девятнадцатилетнего Дмитрия Николаевича, уже отмечается перерасходом в 600 тыс. руб. Чрезмерно широкие личные расходы (482 тыс. руб.), траты на содержание дома (625 тыс. руб.) и содержание дворни (165 т. р.) усугубляются широчайшей благотворительностью (287,5 т. р.). Направо и налево он раздает деньги взаймы (319 т. руб.).

Накопления, сделанные опекой, при таком размахе жизни немедленно растаяли.

Сказочным по расходам является 1838 год—год женьитьбы Дмитрия Николаевича. Получив в этом году дохода 2.243 тыс. руб., он умудрился израсходовать 3.442 т. р., т.-е. в один год задолжал 1.200 тыс. руб. Для частичного покрытия этого перерасхода Дмитрий Николаевич, или, вернее, его контора отступила от правил не отпускать на волю крепостных крестьян и в один год собрала по этой статье 196 тыс. руб.

Проценты на капитал в этом году дали ему 143 т. р. на уплату же долгов пошло 550 т. р. Помимо громадных затрат на себя (556 т. р.), на содержание дворни (184 т. р.) и на дом, заново отделанный в этом году (904 тыс. руб.), благотворительные расходы дошли до 18,1⁰/₀ всего расхода и выразились за год в сумме 621 тыс. рублей.

Эта благотворительность, принимавшая в руках Дмитрия Николаевича маниакальный характер и сделавшаяся его любимым занятием, распадается на два неравные отдела: благотворительность посторонним и своим. Ежедневно поступали к нему со всех концов России просьбы о помощи, которые он рассматривал, налагая свои резолюции, при чем прошения, поддержанные ходатайством кого-либо из близких ему лиц, обычно удовлетворялись. Состав просителей, судя по сохранившимся многочисленным прошениям, был крайне разнообразен. Много тут было и обедневших дворян. Среди лиц, которым Дмитрий Николаевич оказывал помощь и даже выдавал пенсии, мы встретим такие фамилии, как Голицыны, Долгорукие, Касаткины-Ростовские и другие. Духовенство пользовалось особым покровительством. Пожертвования монастырям, церквям, священнослужителям и певчим не поддаются учету. Мелкое чиновничество, совершенно ему чуждое, умудрялось через близких к графу лиц выхлопывать себе подачки, а порой и небольшие пенсии. Наконец, многочисленная дворня, содержимая по этикету, требовала не только содержания во время службы при барине, но и пенсии лишившимся трудоспособности.

Широкая благотворительность стала потребностью Дмитрия Николаевича. Он глубоко верил, что это богоугодное занятие откроет ему двери в царствие небесное, и поэтому оно возрастало год от года вместе с его благочестием. Любому монаху или блаженному ничего не стоило получить с него значительную сумму.

Неразборчивость благотворительности, которой он предавался, создала ходячее выражение: «жить на шереметевский счет» и выродилась в своеобразное самодурство, благодаря которому деньги часто попадали не в руки подлинно нуждающихся, а к ловким попрошайкам.

Так продолжалась жизнь Дмитрия Николаевича и после 1838 года. Каждый год заканчивался дефицитом и новыми займами. Хозяйство его запутывалось и находилось в руках невежественных и недобросовестных лиц, получавших эти места по протекции близких к графу людей, которым он слепо верил.

Бюджет 1859 года рисует нам совершенно невероятную с точки зрения дела картину хозяйства Дмитрия Николаевича. Общая сумма доходов за этот год равна 702,8 т. р.¹¹⁾, уплачено же за год по долговым обязательствам, несмотря на всяческие отсрочки, 736,7 тыс. рублей. Следовательно,

¹¹⁾ Уменьшение абсолютной цифры доходов и расходов объясняется переходом в 1846 г. с ассигнаций на серебряную валюту.

на уплату долгов не хватило всего годового дохода, и для оплаты $\frac{0}{10}\frac{0}{10}$ пришлось еще признать 33,9 тыс. руб.

Сумма числящегося на графе долга на этот год определяется по книгам в 6.068 тыс. руб.

Между тем общая сумма расходов (при доходе в 702,8 т. рублей) за год выразилась в 1.341,7 тыс. руб., т.-е. превосходит доход почти вдвое.

Сократив свои личные расходы до 80,9 тыс. рублей, Дмитрий Николаевич все же тратил на содержание дворни 126,8 тыс. рублей, на содержание дома—130,5 тыс. руб. и на благотворительность—161,2 тыс. руб.

Расценивать такой бюджет можно лишь, как совершенно безнадежный и обрекающий владельца на потерю всего состояния, если бы он не был русским помещиком 1859 г., накануне освобождения крестьян, владеющим огромным основным капиталом, состоящим из просторных площадей земель, населенных ему же принадлежащими крестьянами.

Таким образом в 1859 году, т.-е. почти накануне освобождения крестьян, мы застаем дела помещика в полном расстройстве. Какой же эффект произвела на его состояние реформа 1861 г.? На это красноречиво отвечает нам отчет 1870 года, ко времени составления которого ясно определились финансовые последствия реформы для помещика. Год этот интересует нас еще и с другой стороны: это был последний отчет при жизни Дмитрия Николаевича, умершего в 1871 году.

Отличительной чертой отчета 1870 года является непривычное для Д. Н. превышение дохода (981,7 тыс. руб.) над расходом (869,2 тыс. руб.).

При подробном рассмотрении отчета обращают на себя внимание обилие наличных средств в кассе главной конторы (461,6 тыс. руб.) и сумма $\frac{0}{10}\frac{0}{10}$ на капитал (79 тыс. руб.).

В дальнейших приходных статьях нельзя не отметить крупных поступлений недоимок (167 тыс. руб.) и «непредвиденных поступлений» (101 тыс. руб.). Последние две цифры красноречиво свидетельствуют о стремлении крестьян как можно скорее освободиться от долговых обязательств помещику. С другой стороны и помещик стремился выгодно продать крестьянам излишние земли,—о чем говорит сумма дополнительного выкупа за угодья, поступившего в этом году в кассу графа (64 тыс. руб.).

Расходная часть бюджета говорит нам о значительном сокращении пышности помещичьего двора: расходы на дворню сократились до 37,4 тыс. рублей. Личные расходы увеличились до 162,5 тыс. рублей, так как взрослый сын-кавалергард вызывал большие траты; расходы по дому

в связи с той же причиной увеличились до 151,6 т. руб. Расходы на благотворительность хотя и уменьшились, но все же поражают своими размерами (93,9 тыс. руб.) и составляют 10,6% всего расхода.

Сумма полученного от вотчин дохода указывает, что доходы помещика после освобождения крестьян не уменьшились, а, напротив, увеличились: в 1859 году получено дохода 676 тыс. руб., в 1870 году—744 тыс. руб.

За 1870 год помещик не только не прожил дохода, но сумел отчислить в капитал 72,5 тыс. руб. и оставил на 1-января 1871 г. наличными в кассе 462 тыс. рублей. Результаты поистине поразительные, если мы вспомним, в каком положении находились дела до освобождения крестьян. В 1859 году, как мы видели, долг Дмитрия Николаевича—6.068 тыс. рублей, и запасного капитала он не имел. На 1-е января 1870 года капитал его составлял 2.575 тыс. руб., долга же на нем числилось 1.005 тыс. руб. Таким образом, за период 1859—1870 г. г., т. е. в связи с освобождением крестьян, он уплатил 5.063 т. р. долга и накопил 3.354 тыс. руб., т. е. выкупные операции дали ему за этот период до 8.417 тыс. руб.

Благодаря этому отчаянное положение дел 1859 года отходит в область преданий, и в 1870 году мы должны признать дела Дмитрия Николаевича блестящими, не входя в обсуждение, насколько изменились его земельные богатства вследствие надления крестьян землею. Мы видим, что он, несмотря на то, что лишился оброка, сохранил и даже увеличил годовой доход со своих вотчин, т. е. сумел перестроить хозяйство применительно к новым условиям.

После смерти Дмитрия Николаевича (1871 г.) его огромное имение должно было, согласно завещанию, быть разделено на три части: 25%—жене и остальные 75% между сыновьями Сергеем и Александром¹²⁾. Последнему в этом году минуло 12 лет. Его мать (вторая жена Дмитрия Николаевича) отличалась деловитостью и пыталась своим вмешательством удерживать мужа от безрассудных трат в последние годы его жизни. Раздел шел очень бурно. Наследники ссорились. Старший сын—Сергей, получивший 37,5% всего наследства, в то время как младшая ветвь, считая с долей матери, получила 62,5%,—считал себя обиженным.

После трехлетних препирательств, имущество, наконец, было поделено, при чем Сергей Дмитриевич передал младшему брату наследственные бриллианты, взамен чего

¹²⁾ С. Д. Шереметев (1844—1918) был членом Гос. Совета и почетным членом Академии Наук.—А. Д. Шереметев род. в 1839 г.

получил все падающие на его долю имущества освобожденными от долгов, кроме Баланды, Саратовской губ.

Сергей Дмитриевич не был хозяином. Все его склонности и интересы лежали вне круга, необходимого для делового помещика. Он занимался русской историей, организацией интимных исторических обществ, окружал себя кружком в унисон настроенных ученых, был поклонником старины и настолько идеализировал прошлые эпохи, что даже основал общество возрождения древне-русской одежды и иногда появлялся на улицах Петербурга в боярском одеянии.

Живя скромно, сравнительно с отцом, он все же не укладывал свои потребности в рамки получаемого дохода; когда же подросла его многочисленная семья, когда пришлось по традиции содержать сыновей в кавалергардах, а дочерей выдавать замуж и для каждого из членов семьи устраивать или покупать имения с дворцами (Гавронцы, Остафьево, Вороново, Введенское)—он запутался в долгах.

Попытки Сергея Дмитриевича улучшить и интенсифицировать хозяйство были несерьезны, слабы и необдуманны, да и оборотного капитала для этого у него не было. Была сделана попытка использовать лесные богатства Юхотской волости, проведена железнодорожная линия к лесным массивам, но весь план оказался непродуманным и не дал деловых результатов. Было куплено на Кавказе имение «Карданах» и заведено «правильное виноделие», но оно, кроме убытка, ничего не дало владельцу. Опыт интенсификации хозяйства на больших площадях плодородной земли в Баланде, Саратовской губ., порученный сыну, ни к чему, кроме затрат, не привел.

Имения постоянно закладывались и перезаклаживались в Госуд. Дворянском Земельном Банке. Кроме того, пользуясь покровительством Александра III, граф иногда получал на льготных условиях кредит под соло-векселя в Госуд. Банке.

Но ни специальные кредиты, ни дешевый дворянский кредит в специальном «Дворянском Земельном Банке», установленный правительством за счет того же крестьянства проживающемуся дворянскому сословию, не выручали Сергея Дмитриевича. Главной поддержкой его бюджета в годы, предшествующие революции, явился дом в Москве на Никольской—старый «Китайский дом», в котором жил когда-то зимами Петр Борисович, в котором блестили огни «домашнего крепостного театра».

Раньше на него обращали мало внимания и тратили немного средств, но в течение столетия он понемногу отстраивался и превратился в то «Шереметевское подворье», которое мы можем и сейчас увидеть на Никольской.

Находясь в центре торговой жизни столицы, дом ежегодно приносил в десятых годах этого столетия по 250 тыс. руб. в год, что составляет 31% всех доходов Сергея Дмитриевича за 1910 год. Разбросанные по всей России его земельные угодья приносили все вместе взятые 366 тыс. рублей в год.

В 1910 году положение дел Сергея Дмитриевича было таково: доход за год—809 тыс. рублей, прожито за год—890,7 тыс. руб., т.-е. перерасходовано и занято 81,7 т. р.

Долговые займы в банках под землю и другие долги достигли к этому году суммы 5.000.000 руб., т.-е. превысили в шесть слишком раз годовой доход.

Любопытною чертою бюджета 1910 г. является включение в его приходную часть статьи «жалование графа», которое выражается в сумме 27,3 тыс. руб. Большая сумма жалования совершенно не соответствовала незначительным государственным трудам графа и являлась замаскированной правительственной помощью родовитому представителю дворянского сословия; с другой стороны, включение этой суммы, составляющей всего 3,3% общей суммы дохода, в бюджет свидетельствует о сдвиге, происшедшем за столетие, о перерождении проживающего вельможного рода в чиновничий.

Так обстояло дело в старшей шереметевской ветви. Иную картину мы наблюдаем у младшей линии.

Вторая жена Дмитрия Николаевича, происходившая из мелкопоместной дворянской семьи¹³⁾, отличалась большею силою воли и деловитостью. Получив после смерти мужа в свое распоряжение 62,5% шереметевского имения, она столь умело повела дела, что уже по отчету за 1877 год капитал ее сына Александра выражается в 3.635 тыс. руб.

Отсутствие данных не позволяет нам из года в год проследить за ее деятельностью. Александр Дмитриевич, подобно своему старшему брату, не был по натуре хозяином и отдавал свое время музыкальным занятиям, организации певческой капеллы, оркестра и созданию пожарных дружин. К счастью для себя он женился на очень дельной женщине из семьи Гейден, которая и вела его большое хозяйство после матери.

Имеющийся у нас отчет за 1910 г. рисует положение его дел. Общая сумма дохода по этому отчету—1.829 т. р., при чем большая часть дохода (67,1%), получается от капитала, тогда как имения дают всего лишь 32% общего дохода. Получаемые средства не проживаются полностью: 49%, т.-е. почти половина получаемого дохода, откладывается в капитал.

¹³⁾ А. Г., урожд. Мельникова (1825—1874).

Вследствие такого блестящего состояния финансов—управление его имениями могло свободно в нужную минуту помочь дефицитному в этом году имению и вести во всех имениях интенсивное хозяйство. По произведенному нами подсчету, пахотная десятина приносила ему вследствие этого на 19% больше, чем его старшему брату. В 1910 году на помощь дефицитному имению израсходовано 81 тыс. руб. (4% общего расхода).

Из того факта, что доходы Александра Дмитриевича от капитала превышают сумму поступлений от эксплуатации принадлежащих ему земельных площадей и земледельческого и иного, связанного с сельским хозяйством, инвентаря, мы должны сделать вывод, что в его хозяйстве мы наблюдаем процесс превращения вотчинника в капиталиста—рантье, живущего на % от гарантированных правительством дивидендных бумаг.

История огромного щереметевского богатства, образовавшегося от слияния богатств фельдмаршала Б. П. Щереметева и владений канцлера Черкасского, должна быть названа исключительной, ибо в данном случае не действовал обычный русский порядок, по которому имущество отца делилось поровну между сыновьями, благодаря чему крупные богатства с течением времени дробились на мелкие части. Мы видели, что Петр Борисович передал свое имение почти целиком (за исключением доли дочери Варвары Петровны) своему единственному сыну Николаю, а последний—опять-таки единственному сыну Дмитрию, и только после смерти Дмитрия Николаевича, в 1871 г., имущество разделилось на две части.

Таким образом, в период с 1743 г. по 1871 г. щереметевское состояние не делилось и представляло огромную земельную площадь—800,000 десятин, разбросанную по всей русской равнине, но объединенную единым управлением, с крепостным населением (к 1800 году) свыше 200,000 душ. Помимо этого, в обеих столицах Щереметевым принадлежали значительные городские имущества—дома и незастроенные площади земли.

Учитывая особенности владений Щереметевых, зависящие отчасти от их территориального расположения, пужно думать, что более хозяйственные, чем Щереметевы, помещики сумели бы извлекать гораздо большие доходы, хотя бы только нарушив единообразную оброчную систему, введенную еще Петром Борисовичем. На севере они бы, конечно, воспользовались такими пунктами, как с. Павлово и Иваново-Вознесенск, и стали бы крепостными фабрикантами. В то же время на юге, в плодородных, обладавших

зажиточным населением вотчинах, саратовской Баланде, воронежской Алексеевке или курской Борисовке, Шереметевы ввели бы более выгодную здесь барщину, царившую кругом.

Но если отсутствие попыток захватить инициативу в свои руки на севере может быть объяснено только отсутствием в этой семье твердого хозяина и привычкой «царствовать», а не хозяйничать, изменение системы управления на юге, т.-е. введение более выгодной барщины, требовало от помещика некоторых затрат и временного отказа от дохода. Между тем Шереметевы, как мы видели, всегда нуждались в наличных средствах, и даже временный отказ от дохода казался для них невозможным.

Выше мы не раз отмечали крайнюю бесхозяйственность этих крупных вотчинников (за исключением двух женщин, ведших хозяйство младшей линии с 1871 года) и систематическую жизнь не по средствам.

Обычная коммерческая логика утверждает, что если из какого-либо дела мы будем ежегодно тратить сумму, превышающую прибыль, то оно должно в конце концов погибнуть. Систематическими расточителями своего состояния были и Шереметевы, но их состояние, как мы видели, не истощалось, и, если бы мы сложили все капиталы, имевшиеся в руках Сергея и Александра Дмитриевичей в октябре 1917 г., мы увидели бы, что они обладали капиталом большим, чем владел в 1743 году Петр Борисович — родоначальник этого богатства.

Как же это случилось? Вспоминая все нами сказанное, мы видим, что после смерти Николая Петровича, оставившего долги, дело было поправлено опекой и главным образом тем, что малолетство наследника дало возможность капиталу отлагать проценты. Подросший Дмитрий Николаевич расточил все накопления и довел дело до положения 1859 г., когда % по долгам превысили доходы. Реформа 1861 г. восстановила его богатство. Старшая линия после освобождения крестьян и до дня революции тратила более, чем получала, но растущие цены на земли позволяли закладывать и перезакладывать имения в Дворянском Банке, платя малые проценты и набавляя на аренды.

В то же время младшая линия, только потому, что была скромнее, не расточала и имела бережливых руководительниц, в сравнительно короткий период с большою легкостью, не вводя в хозяйство большой инициативы и новых принципов, накопила огромные денежные средства и переродилась из вотчинников в капиталиста-рантье.

Г О Д Ы и %.	Николай Петрович.	
	1798	%
Наличность на 1 янв.	38,5	6,0
Оброк (доход с вотчин)	437,5	69,2
Реализац. прод. хоз.	156,2	24,8
Неокладные сборы	—	—
Доходы с недвижим. имущ. (дома)	—	—
Рекрутские	—	—
Штрафы	—	—
Выкуп. ссуды и продажа угодий	—	—
% на капитал	—	—
Мелкие поступления	—	—
Жалование по службе	—	—
Наличн. как результат операций (переходящ. суммы)	—	—
За игру оркестра	—	—
И Т О Г О	632,2	—
Личные расходы	240,1	34,6
Содержание дворни	92,1	13,3
Расходы по дому	76,7	11,0
Благотворительность	61,2	8,9
Уплата по долгам	200,9	29,0
Отложено в капитал	—	—
Расходы по управлению	—	—
Роздано в долг	—	—
Пожертв. на воен. нужды	—	—
%% вознаграгр. опекунов	—	—
Мелкие расходы	21,9	3,2
И Т О Г О	692,9	—

ПРИМЕЧАНИЕ: В бюджетах за 1798, 1814, 1822 и 1838 г.г. дующих годов—в серебряных рублях.

О п е к а		Дмитрий Николаевич.			
1814	%	1822	%	1838	%
—	—	—	—	—	—
1194,8	72,7	1119,3	74,4	1492,3	66,6
—	—	144,9	9,0	139,4	6,2
251,8	15,3	102,6	6,8	333,9	14,8
—	—	—	—	28,5	1,3
60,4	3,7	19,0	1,2	24,7	1,2
27,2	1,7	12,1	0,7	5,9	0,2
—	—	—	—	—	—
108,4	6,6	111,9	7,4	143,3	6,4
—	—	8,2	0,5	75,0	3,3
—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—
1642,6	—	1518,0	—	2243,0	—
69,7	5,3	482,2	23,1	556,1	16,0
181,9	13,2	165,0	7,8	182,7	5,3
263,7	19,2	625,9	29,8	904,6	26,3
38,2	2,7	287,3	13,5	621,6	18,1
149,9	10,9	—	—	550,0	16,0
—	—	—	—	—	—
72,2	5,2	220,3	10,6	398,0	11,6
287,5	20,9	319,3	15,2	212,5	6,2
237,9	17,3	—	—	—	—
73,7	5,3	—	—	—	—
—	—	—	—	17,0	0,5
1374,7	—	2100,0	—	3442,5	—

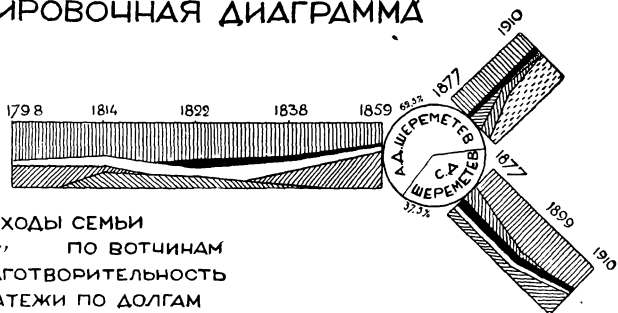
все суммы даны в ассигнационных рублях, в бюджетах после-

Г О Д Ы и %.	С е р г е й			
	1859	%	1870	%
Наличность на 1 янв.	—	—	—	—
Оброк (доход с вотчин)	589,0	83,9	—	—
Реализац. прод. хоз.	18,4	2,6	741,2	75,6
Неокладные сборы	64,9	9,1	—	—
Доходы с недвижим. имущ. (дома)				
Рекрутские	1,5	0,2	—	—
Штрафы	2,5	0,4	—	—
Выкуп. ссуды и продажа угодий	—	—	88,3	8,9
% на капитал	14,8	2,2	152,2	15,5
Мелкие поступл.	11,7	1,6	—	—
Жалование по службе	—	—	—	—
Наличн. как результат операций (переходящ. суммы)	—	—	—	—
За игру оркестра	—	—	—	—
И Т О Г О	702,8	—	981,7	—
Личные расходы	80,9	6,0	162,5	18,5
Содержание дворни	126,8	9,4	37,4	4,4
Расходы по дому	130,5	9,7	151,6	17,5
Благотворительность	161,2	12,0	93,9	10,6
Уплата по долгам	736,7	55,0	58,7	6,8
Отложено в капитал	—	—	317,2	36,6
Расходы по управлению	105,6	7,9	32,9	3,9
Роздано в долг	—	—	—	—
Пожертв. на воен. нужды	—	—	—	—
%% вознаграгр. опекунов	—	—	—	—
Мелкие расходы	—	—	15,0	1,7
И Т О Г О	1341,7	—	869,2	—

Д м и т р и е в и ч .						Александр Дмитриевич.			
1877	%	1899	%	1910	%	1877	%	1910	%
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
277,3	65,1	335,3	91,0	366,9	45,8	462,3	64,4	571,4	32,0
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	250,4	31,0	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
91,3	21,5	16,6	4,4	7,3	0,9	—	—	—	—
38,8	9,1	16,9	4,6	—	—	256,3	35,6	1245,2	67,1
17,9	4,3	—	—	—	—	—	—	2,8	0,2
—	—	—	—	27,4	3,3	—	—	—	—
—	—	—	—	157,0	19,0	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	10,3	0,7
425,3	—	368,8	—	809,0	—	718,6	—	1829,7	—
175,6	33,0	178,4	48,5	248,6	27,7	112,9	15,6	799,7	40,2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
163,6	30,0	93,3	25,1	155,9	17,4	222,8	30,5	81,7	4,0
25,0	5,0	29,0	8,0	31,9	3,6	58,9	8,0	46,7	2,0
90,6	17,0	29,2	8,0	419,0	47,4	165,3	22,6	29,9	1,0
—	—	—	—	—	—	—	—	843,8	49,0
81,2	15,0	38,9	10,4	35,3	3,9	43,8	6,0	55,2	3,0
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	125,6	17,3	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	14,5	0,8
536,0	—	368,8	—	890,7	—	729,3	—	1871,5	—

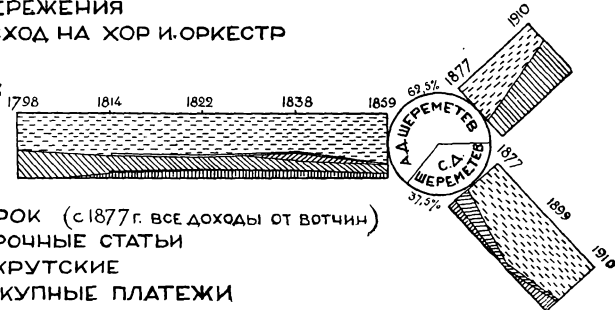
ОРИЕНТИРОВОЧНАЯ ДИАГРАММА

РАСХОД

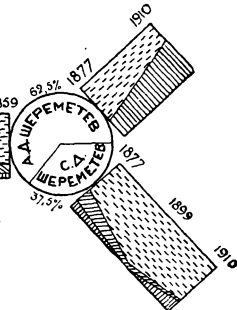
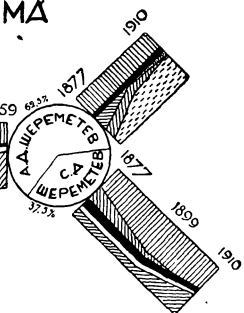

- ▨ РАСХОДЫ СЕМЬИ
- " ПО ВОТЧИНАМ
- БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ
- ▩ ПЛАТЕЖИ ПО ДОЛГАМ
- ▧ ОТДАНО В ДОЛГ
- ▦ СБЕРЕЖЕНИЯ
- ▤ РАСХОД НА ХОР И ОРКЕСТР

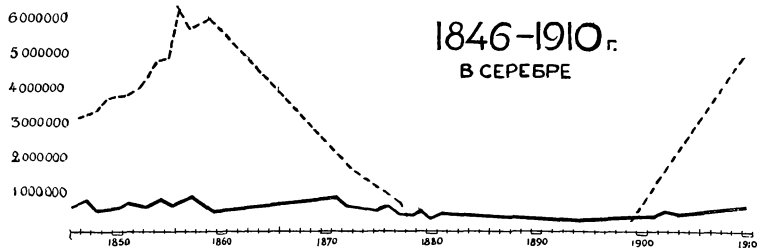
ПРИХОД

- ▨ ОБРОК (с 1877г. все доходы от вотчин)
- ▩ ОБРОЧНЫЕ СТАТЬИ
- РЕКРУТСКИЕ
- ▧ ВЫКУПНЫЕ ПЛАТЕЖИ
- ШТРАФНЫЕ
- ▤ % % НА КАПИТАЛ

КРИВЫЕ ДОХОДОВ И ЗАДОЛЖЕННОСТИ

Цена 25 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Москва: Покровка, Подсосенский пер., д. 21. Тел. 3-08-10.